

ДЪЁРДЪ АНТАЛФФИ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

I.

В наши дни проблема отчуждения стала, можно сказать, центральной категорией различных философских направлений. Так как отчуждение в сфере политики является одним из наиболее жгучих вопросов, то вполне понятно, что и ученые, специалисты в области политических наук не могут равнодушно пройти мимо этого общественного явления и не могут, в частности, не учитывать его при описании социалистической системы принятия решений.

Исследование отчуждения на уровне философии — при рассмотрении этого понятия в собственном смысле — впервые встречается в трудах классиков марксизма. (Хотя корни этого понятия уходят в эпоху французского и немецкого просвещения и даже в более ранний период.) В трудах Маркса с этим вопросом связывались мысли, занимавшиеся, в первую очередь, отражением в человеческом сознании объективных условий и отношений отчуждения. К середине 1840-х годов в центр внимания Маркса попали явления, присущие политической системе: это доказывают труды о бюрократическом государстве и его отмежевании, а чуть позже — исследования экономической основы отчуждения. В течение 50-х и 60-х годов эти идеи и мысли углубились, взаимосвязи отношений отчуждения отдельных общественных подсистем вскрывались Марксом во всей их комплексности.

Философское мышление строящегося социалистического общества, а затем и мировой социалистической системы, в начальном периоде не приняло во внимание реальные общественные отношения и теоретическое наследие марксизма и поэтому не разработало эту категорию достаточно глубоко — ни в отношении ее содержания, ни в отношении сопоставления с общественными условиями. Причина этого заключалась в чрезмерно упрощенном догматическом толковании учений марксизма как в практической политической жизни, так и в политическом теоретическом мышлении.

Что же касается взглядов сегодняшних буржуазных политических мыслителей об отчуждении, то они характеризуются тремя основными чертами:

1. по их мнению, выражение сущности отчуждения находится не в экономических отношениях, а только в политических;
2. почти исключительным субъектом отчуждения они считают индивид;
3. отчуждение считается вечной исторической категорией, независимой от общественно-экономических формаций.

Так, например, М. Секман различает пять различных форм, применяемых в литературе в качестве термина «отчуждение»: 1. отсутствие власти; 2. отсутствие значения; 3. отсутствие нормы; 4. изоляция; 5. отчуждение от самого себя. К. Кеннистон поставил четыре таких вопроса, ответ на которые — по его мнению — дает основу относительно практически неограниченного числа

вариантов отчуждения: «... Между тем, как понятие отчуждения в каждом варианте содержит утрату или отсутствие прежнего или желательного отношения, оно требует дальнейшей спецификации по крайней мере в четырех отношениях: 1. фокус: от чего имело место отчуждение? 2. замена: что заменяет прежнее отношение? (На это можно было бы сослаться и более резко как на форму отчуждения.); 3. способ: каким образом проявляется отчуждение? 4. носитель: что является носителем (причиной) отчуждения?»². Следует отметить, что первый элемент схемы Кеннистона означает на деле предмет отчуждения, а второй элемент — его субъект.

Для В. Корнхаузера отчуждение проявляется довольно неотграничено, во многих формах. В своих вторичных анализах он применяет оперативные средства политической неэффективности, социального недоверия и низкой силы «еда», а такие выражения как «враждебность», «антипатия» указывают на отношение к существующим институтам³.

Согласно мнению других авторов, основанием для определения отчужденности как комбинации недоверия и бессилия является предположение о том, что совместное наличие этих двух видов поведения создает одинаковое стремление к определенному поведению⁴.

Отчуждение личности является также и основным мотивом характерного декадентского направления буржуазной философии — экзистенциализма.

Марксистская позиция также не едина в отношении вопроса наличия или отсутствия отчуждения в условиях социализма.

По толкованию А. Шафа отчуждение не просто примыкает к эксплуататорским условиям, современная система общественных связей (в первую очередь связей институтов) уже сама по себе содержит тенденцию отчуждения, поэтому и социалистическая общественно-экономическая формация не свободна от нее⁵.

Р. Д. Лукич видит отчуждение государства не только в отношении угнетенного, но также и в отношении господствующего класса, так как «в последнем тоже живет идеологическая иллюзия того, что государство является представителем интересов всего общества, тогда как в действительности государство защищает общие интересы класса, которые ему относительно чужды, от каждого отдельно взятого члена господствующего класса»⁶.

С. А. Ямпольская считает отчуждение фактором, противоречащим природе организации социалистического общества, по следующим причинам:

а) уже в условиях строительства социализма общественные организации становятся тем важнейшим каналом, через который массы привлекаются к участию в общественно-политической жизни страны: они активно влияют на состав представительных органов власти, выдвигая кандидатуры в Советы и агитируя за них; в различных формах принимают участие в деятельности органов государственного управления, в управлении производственными коллективами и учреждениями; осуществляют широкую деятельность по применению права (самостоятельно или совместно с государственными органами), оказывая таким образом воздействие на поведение индивидов в обществе. Наконец, общественные организации непосредственно выполняют отдельные функции государственных органов (это относится к профсоюзам, творческим содружествам, отдельным добровольным обществам и т. д.). Через эти демократические каналы члены организаций принимают участие в общественной деятельности;

б) внутренняя жизнь общественных организаций, отношения между отдельным лицом, членом организации и самой организацией, как комплексной структурой, строятся на подлинно демократических основах (демократические выборы руководящих органов, обязанность последних отчитываться перед членами и т. д.)⁷.

Возвратившись к констатациям Маркса (главным образом из «Экономико-философских рукописей»), которые исходили из того, что источником отчуждения является антагонистическое разделение труда, вытекающее из отношений частной собственности, можно сразу же увидеть одну из важнейших черт отчуждения — его историчность.

В период существования отчуждения общественные отношения складываются спонтанно, и так как они уже не поддаются контролю людей, то результаты и продукты деятельности последних обособляются от них, вследствие чего вещи и отношения появляются в их сознании отличающимися от существования в себе. Из такого хода мыслей — если смотреть в философском плане — вытекает, что прекращение отчуждения будет происходить одновременно с процессом становления гомогенных отношений разделения труда и собственности.

Политическое отчуждение является таким образом следствием экономического отчуждения, а его основой, базовой системой будет является «наиболее политический» институт — государство. Следовательно, существование политического отчуждения до полного отмирания государства, — а в более широком смысле и политической системы в целом, — следует признать реальностью.

Можно ли простым ответом «да» или «нет» решить вопрос о том, существует ли отчуждение при социализме? Очевидно нельзя, так как сама постановка вопроса носит метафизический характер. Например, Михай Шаму — в противоположность крайним мнениям — подчеркивает, что отчуждение существует также и в отношениях между социалистическим обществом и государством, «но социалистическое государство является и одним из средств ликвидации этого отчуждения»⁸.

Диалектический подход действительно требует исследования политических явлений и прекращения отчуждения как процессов. При внимательном изучении общественных процессов можно заметить определенные изменения, которые проявляются в движении отдельных элементов системы, самой системы в целом, ее функций и отношений к окружающим обстоятельствам и условиям; все это происходит в ходе самого движения, является его результатом. При этом процесс сохраняет одновременно тождество и различие, развитие и приемственность. Для политической сферы все это сказывается в определенных последствиях: например, хотя формирование социалистического общества и его политической системы происходит скачкообразно, путем качественных изменений, все же они закономерно содержат в себе свойства прежнего общества, точно так же, как и в отдельных их элементах можно обнаружить — вследствие их относительной самостоятельности — такие черты, которые характерны для коммунистического общества. Отмирание государства — это процесс; если, — следуя Ленину, — социалистическое государство назвать «полугосударством», то отчуждение в политической сфере и во всей общественно-экономической формации можно было бы назвать «полуотчуждением», подчеркивая, что его прекращение носит характер процесса.

Исторически определенные условия преодоления отчуждения требуют формирования такой общественно-социальной системы, в которой соотношения че-

людей-производство, человек-человек, человек-общество характеризовались бы не противопоставлением, а тождеством. Прекращение противопоставления обуславливается также и такой системой принятия решений, которая сделает более реальным отражение соответствующих отношений заинтересованности и участия в решениях во всех подсистемах общества.

II.

Сущность всего функционирования политической системы социалистического общества заключается в том, чтобы интересы социалистического общества различного уровня, интенсивности и диапазона синтезировать в форму общего компромисса, общего интереса. В дальнейшем этот общий интерес и будет являться исходной точкой процесса принятия решений, происходящего в рамках политической системы.

Согласно марксистскому взгляду система интересов проявляется не иначе, как подключаясь к общественной структуре. Это отношение, однако, и в политической системе социалистического общества не отражается автоматически: различные механизмы передачи (например, правовые и организационные способы выражения интересов) могут отвести выражение объективных интересов в сторону. Поэтому неверно такое утверждение буржуазных теорий, которое считает функцию политической системы по интеграции интересов надклассовой, и которое принимает в качестве основы членения интересов вторичные признаки общественной структуры. Ведь человеческая деятельность, направленная на практику в общественных масштабах, всегда носит политический характер⁹. Соответственно, процесс интегрирования интересов в социалистическом обществе тоже носит политический характер, тогда как приобретение им аполитичного характера зависит уже от сокращения расхождений интересов.

Между тем как социалистические политические организации в соответствии с их характером занимаются содержанием отдельных решений в общих чертах задачей государственных организаций является формулировка, — с использованием своих юридически урегулированных полномочий, — определенных в решениях ожиданий в форме конкретных правил поведения для членов общества и организаций.

Процесс принятия решений может считаться имеющим динамический характер в двух смыслах. С одной стороны, потому что из-за иерархических связей, функционирующих формально или неформально, в политической системе, как правило, каждое решение предполагает решение более низкого уровня (отметим, например, в связи с правовой системой практику правового урегулирования на нескольких уровнях). Если рассмотреть в более узком смысле только одно единственное принятие решения, то и в этом случае можно увидеть, что оно складывается из многих моментов до тех пор, пока не достигнет стадии осуществления. Расчленение процесса принятия решения литература анализирует по-разному; общим в разных видах подхода кажется лишь то, что именно является сущностью принятия решений: разработка вариантов решений и выбор вариантов.

В политической системе социалистического общества процесс принятия решений, понимаемый в самом широком смысле этого слова, длится с момента возникновения объективного общественного отношения, требующего каких-либо перемен, вплоть до коммуникации решения.

а) Для того, чтобы какая-либо потребность общества выразилась в реальных требованиях необходимо, чтобы эти потребности соответствующим образом отражались, в элементах политической системы. Это, как правило, осуществляется в рамках общественно-политических организаций, среди которых особая роль принадлежит коммунистической партии. По мере развития социалистического общества все большую роль получают различные общественные организации, а также инициатива, проявляемая самими гражданами, как на уровне местных, так и на уровне центральных решений.

б) Следующим важным политическим вопросом является определение задач и целей, находящихся в тесной связи с установлением последовательности интересов и ценностей, затрагиваемых решением. Собственно говоря, именно здесь проявляется больше всего функция политической системы по интеграции интересов.

в) После определения и формулирования целей и задач центр тяжести процесса принятия решений переходит к государственным органам, внутри которых большую роль играет аппарат. Его работа заключается сперва в детальном изучении проблемы, а затем — на основании этого — во вскрытии возможностей, при помощи которых можно направить развитие общества в намеченном направлении. Большое значение имеет и выяснение возможной реакции тех ценностей и интересов, которые затрагиваются отдельными вариантами решений.

г) В настоящее время в политической системе социалистического общества значительную роль играет аппарат государственной организации. Кроме подготовки вариантов решений аппарат оказывает также и влияние — формальное или неформальное — на их выбор. Таким образом функция политических органов государства заключается, в первую очередь, в контроле с политической точки зрения представленных аппаратом предложений, касающихся решений. Если такие предложения соответствуют предпочтительным политической системой отношениям интересов, поставленным целям, гармонируют с условиями и возможностями, определяющими содержание решения, то государственная организация утверждает своей правовой властью решение, которое облекается в форму нормативного акта.

д) Завершение процесса принятия решения, носящего технический характер, происходит опять на уровне аппарата. Окончательно сформулированное решение необходимо сообщить адресатам по соответствующим коммуникационным каналам.

Разумеется, рассматривавшаяся здесь модель содержит только наиболее общие черты процесса принятия решений в политической системе социалистического общества. В действительности же все это намного сложнее и противоречивее. Достаточно сослаться хотя бы на то, что общественно-политические органы тоже можно подразделить: на выборные представительные части и аппарат, который играет специфическую роль в процессе инициативы или разработки решений. С другой стороны, аппарат осуществляет не только работу сугубо технического характера, в ней проявляются также и политические элементы, содержащие свои внутренние организационные интересы. Далее, не все политические решения, даже если они и родились внутри рамок государственной организации, отражаются в юридической форме.

Завершенность процесса принятия решений является тоже весьма относительной, ведь сопоставление поступающей информации об осуществлении решений с положениями, предусмотренными в решениях (то есть контроль), не

что иное, как механизм обратной связи процесса принятия решений. Он, в свою очередь, обеспечивает информацией для принятия новых решений; таким образом процессы принятия решений налагаются друг на друга.

С точки зрения общественных отношений принятия решений самым важным является то, что какая группа общества располагает возможностью руководства общественными отношениями. За каждой политической мыслью, носящей теоретический характер, можно обнаружить теоретическое обобщение конкретного опыта осуществления властных отношений с учетом наиболее приемлемых форм разделения принятия решений. Манипуляция — хотя и не в современном смысле — прослеживается на протяжении всего предыдущего периода историко-политического развития, и сущность ее заключается в том, что насколько удалось субъектам решения, а также другим заинтересованным лицам, изменить в сознании объектов решения противодействие или же, по крайней мере, суженное отношение заинтересованности в форму «ложного сознания». Сущность проблемы заключается во взаимоотношении демократических соображений, сформулированных в большинстве случаев в политических и юридических нормах, а также в практике принятия решений, выражающей сущность властных взаимосвязей, а внутри рамок этого в вопросе, сформулированном уже в современных условиях: в какой мере обладание или необладание информацией является детерминантом фактического участия в принятии решений.

После буржуазных революций некоторое время существовала иллюзия о том, что идеи революционной идеологии можно полностью осуществить в политической практике новой общественной формации. Однако потребовалось не много времени для того, чтобы выяснилась невозможность осуществления этого соображения. Современное капиталистическое государство обособилось не только от нерасполагающих политической властью, но относительно также и от господствующего класса, и если не в процессе выражения интересов, то, по крайней мере, в процессе принятия решений. Таким образом, демократический коллегиальный орган стал таким форумом — в большинстве случаев противостоящим правовому регулированию — «в котором утверждают решения, принятые в других местах; исполнительная власть даже в лучшем случае является посредником сил, находящимся вне парламента и часто даже вне государства, разные формы представительства все в большей мере теряют силу, приносящую этому институту»¹⁰.

Социология, освещая противоречия между нормативами принятия решений и фактическим положением, сделала первый шаг в направлении раскрытия этого противоречия. Принципиально возможны три выхода: или действительность будущего следует лучше подлаживать к нормам (хотя это носит временный и довольно статистический характер), или же нормативное урегулирование должно лучше учитывать фактические условия, или, возможно, потребуются создание соответствующего равновесия этих двух путей. Так как норма всегда означает перемену, что-то отличающееся от существующего положения, то решения должны обеспечивать объективный, соответствующий реальным условиям характер этой перемены. С. Верба правильно видит разницу между реальным и формальным решением именно в этом противоречии, разрешение которого следует искать в подлинно общественных, содержащихся в сфере интересов факторов принятия решений¹¹.

Механизм принятия решений и в социалистическом государстве не свободен от той дисфункции, что в большинстве организационных структур — как раз может быть именно в противоречии с нормами — решения возникают адми-

нистративным путем. Одно из возможных средств преодоления этого сформулировалось в концепции самоуправления. Согласно этому самоуправление объединяет отчужденные от трудящихся формы деятельности и создает единство физического и умственного труда, науки и производства, труда и принятия решений.¹² Хотя и констатируется, что в отдельные периоды фактические центры принятия решений находятся вне представительных органов, но — согласно этой концепции — нет сомнения в том, что это прекратилось «путем обеспечения участия в принятии решений всех тех, кто приобрел это право на основе своего труда»¹³.

Однако анализ практики с этой точки зрения выявляет в некоторых местах проблемы, связанные с такой постановкой вопроса. Дело в том, что члены общественной группы в ходе своего стихийного действия выражают адекватно свои фактические интересы только в том случае, если это полностью соответствует объективным условиям. Однако сложные условия современного общества не оставляют возможностей — или же они существуют в весьма ограниченной области — для спонтанного выражения интересов; эти условия как раз требуют сознательной, целенаправленной и запланированной деятельности. Рамками институализации этого как раз и является организационный, «интегрирующий интересы» механизм, который обеспечивает формирование различных, вытекающих из конфронтации индивидов, интересов в такие общие интересы, механическое представительство которых индивидом просто невозможно¹⁴. С другой стороны, решения широких общественных масштабов из-за отсутствия информации специального характера, не обоснованных с точки зрения специальных знаний, могут с большой вероятностью стать формальными.

Анализ взаимосвязи решений и организации указывает на то, что иерархия руководства в такой же мере содержит в себе информационную систему, как и система принятия решений,¹⁵ и хотя они и не идентичны, все же практически являются неразделимыми. Таким образом всякое исследование, занимающееся коммуникацией внутри организации, неизбежно распространяется и на механизм принятия решений. Ситуация принятия решений предполагает, что субъект по всей вероятности располагает какой-либо частичной информацией, без которой рациональная модель принятия решений сформироваться не может¹⁶.

Такое понимание вопроса, согласно которому информация, поступающая об объекте решения, может быть нейтральным или пассивным элементом в принятии решений является иллюзией. Достаточно подумать о том, что обладание информацией означает преимущество при оказании влияния на принятие решений, или о том, что концентрация принятия решений возможна не только сдерживанием децентрализации, но также и монополизацией познаний, необходимых для принятия решений. В то же время обеспечение демократических прав само по себе тоже не является гарантией для фактического участия в принятии решений, так как активность обратно пропорциональна потребности в информации, связанной с конфликтной ситуацией.

Какие типы информации необходимы в процессе принятия решений? Л. Ф. Уард еще на рубеже столетия сказал, что «никто не должен считать себя способным к законодательству, если не знает, по крайней мере, историю современных организаций, их различные денежные и налоговые системы, системы общественных работ, воспитания и т. д., военные средства и средства судоходства, общую юридическую науку, конституционные, а также неписаные законы»¹⁷. По нашему мнению на количество и качество собираемой информации, необходимой для принятия решений, влияет в основном то, что на каком уров-

не руководства она служит материалом для анализа. Эту констатацию следует дополнить тем, что и руководство одного и того же уровня может получать информацию, отличающуюся по своему характеру или же информацию, предназначенную для системы руководства иного уровня, что объясняется, в первую очередь, общественными отношениями, являющимися предметом решений и определяющими характер необходимой информации. Итак, в отношении принятия решений нейтральной может быть только информация, поступающая об отношениях, находящихся вне данной системы, хотя в иных условиях эти факторы, очевидно, могут иметь значение и — посредством передачи — сами по себе могут воздействовать в качестве эффективной информации.

Детерминанты процесса принятия решений следует искать в условиях объекта решений; их отражение в сознании лишь проявляются в акте принятия решений — следовательно, множество информации само по себе не имеет своей собственной определяющей роли. Таким образом, следует стремиться к тому, чтобы в распоряжении всегда имелись под рукой в надлежащем количестве и качестве данные об исходном положении изменения структуры, о цели решения, о возможном реагировании объекта решений и других заинтересованных лиц, об окружающей принятие решения ситуации, о субъективных факторах и т. д. Из всего этого вытекает необходимость научной разработки системы информации для управленческих решений.¹⁸

В число вопросов, сформулированных в литературе, входит противопоставление понятий участия и заинтересованности. Сомнительно, можно ли их противопоставлять, можно ли их вообще отделить друг от друга. В современных условиях образовался такой механизм принятия решений, в котором — хотя и внутри объекта решений, но все-таки обособленно от него сформировалась группа, заинтересованная в принятии решений, а внутри этой группы — субъект решения. Буржуазная революция была той исторической разделительной линией, которая в общественных масштабах дифференцировала совпадающие раньше позиции субъектности принятия решений и заинтересованности в принятии решений, а также сформировала тот трехполюсный механизм принятия решений, в котором друг от друга отделились объект решения (общество), заинтересованная в решении общественная группа (господствующий класс) и субъект решения (политическая структура). Такое разделение с глубоко различными классовыми отношениями сохранилось и в социалистическом обществе, и его характерной чертой является то, что главным направлением развития является постепенное слияние объекта решения и всех заинтересованных в решении. Однако субъектность принятия решений — даже после потери ею политического характера — сохраняет отдельную структуру вследствие закономерностей разделения труда. Более реальным процессом, однако, кажется стремление к общему выражению интересов, чем развитие, направленное на тотальное становление субъектности принятия решений, ибо — как указывал Маркс в «Капитале» — работа по надзору и по руководству в порядке необходимости возникает везде, где непосредственный процесс принимает форму экономической комбинации процесса, и выступает не в качестве изолированной работы самостоятельных производителей.

Можно считать вполне всеобщим подчеркивание значения функций контроля в трудах, анализирующих процессы принятия решений. Совершенно обоснованно констатирует Кальман Кульчар, что «многие склонны к тому, чтобы только непосредственное участие в конечном этапе принятия решения считать участием и именно, как правило, в такой форме, при которой в принятии обя-

зательного для исполнительного аппарата решения было бы обеспечено участие простых членов общества или же общественности. А ведь участие «общества» в государственном управлении сформировалось не только в этой форме, и еще менее той форме, когда общество управляет самим собою без промежуточного аппарата»¹⁹. Таким образом, контроль за решением выступает на передний план в «ущерб» вопросу о том, кто принимает решения. В настоящей фазе — учитывая опыт развития в ВНР — демократизацию управления можно развертывать, в первую очередь, обеспечением над ним общественного контроля: «Существование контроля означает отношение взаимной зависимости между форумами администрации и контроля, вследствие которой контроль может стать эффективным только путем зависимости (частичной, но эффективной) администрации от контроля... Дело в том, что именно таким образом распоряжение над уровнем администрации может стать подготовительной формой участия в системе принятия решений»²⁰.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что проблема механизма принятия решений в основном не в том, кто и в каких процессуальных условиях принимает решение, а в том, что служит ли оно соответствующим образом интересам общественной группы, рабочего класса, которые — посредством норм — определяют общественно-экономические и властные отношения общества, и кроме того также и в том, в какой мере заинтересованные в принятии решения обладают возможностью сопоставить процесс принятия решений и исполнение решений с конкретно выдвинутыми целями. Это вовсе не означает, что «все равно кто принимает решение, только бы оно было хорошим». Дело в том, что полностью обособленная от заинтересованных сторон структура принятия решений рано или поздно сама станет заинтересованной в решении. В процессе принятия решений роль связующего звена между субъектом решения и заинтересованными сторонами должна заключаться в совместном участии, ориентированном и на принятие решения и на его контроль.

В конечном счете, механизм принятия решений политической системы социалистического общества в нескольких элементах существенно отличается от всего того, что было в прошлом. Из принятия установки марксистской философии о том, что свобода — это осознанное действие адекватное необходимости, вытекает и то, что эта свобода все более полно осуществляется по мере развития социалистического общества. Для того, чтобы осознание необходимости отражалось в человеческой деятельности требуется также и то, чтобы они были сопряжены с процессом принятия решений. Итак, объективно правильное решение означает то, что сложились непосредственные предпосылки свободного действия. То же самое справедливо и в обратном направлении: если человеческое действие является свободным, то решение объективно соответствует развитию общественных отношений. Именно это и является перспективой развития социалистического общества.

Список литературы:

1. Seeman, M.: О понятии отчуждения.* American Sociological Review, 24 vol. 1959, 783. p.; Ollman, B.: Марксова концепция человека в капиталистическом обществе. Cambridge Univ. Press. 1971, 325. p., а также работы других авторов: Сэмпсона, Маринина, Крозиера, Манели.
2. Keniston, K.: Отверженные: отчуждение молодежи в американском обществе. New York. 1965, 454 p.
3. Kornhauser, W.: Политика массового общества. Glencoe. 1959. 109—112. p.
4. Stone, C. H.: Местные выборы: альтернатива модели отчужденного голосующего. — Public Opinion Quarterly. 1962, 213—225. p.
5. Schaff, A.: Марксизм и личность. Budapest. 1968, 177—179. p.
6. Lukic, R. D.: Цели и функции государства. In: Politicka teorija drzave. Beograd. 1962, 117—206. p.
7. Ямпольская, Ц. А.: Пути исследования проблем общественных организаций. — Советское государство и право. 1969, № 3, с. 18—27.
8. Samu Mihály: Государство и власть. Budapest. 1977. 297. p.
9. Lukács György: Об онтологии общественного бытия. Budapest, 1977, I. köt. 486—487. p.; Эти вопросы также затрагивают: László, E.: Индивидуализм, коллективизм и политическая власть. Haga, Nijhoff. 1963, 172. p.; McClosky, H.: Американский политический процесс. Ed. by Levy-Roche. New York. 1963, 246. p.; White, D. J.: Теория решения. Chicago, Aldice Publ. Comp. 1969, 185. p.; Hagen, J.: Теория социологической системы и политические решения. In: Magyar Jog és Külföldi Jogi Szemle. 1974, No 10, 619 p.
10. Signorile, C.: Проблема государства и марксизм. — Mondo Operatio. 1976, No 3.
11. Baranya, S.—Vigh, L.: Роль информации в руководстве. Политическая информация. In: Vezetési ismeretek politikai vezetők számára. Budapest. 1973. 126 p.
12. Peczulicz, M.: Горизонты революции. Beograd. 1970. 253. p.
13. Ristic, P.: Основные характеристики общественной и политической системы Югославии. Újvidék, 1973, 12. p.
14. Békley, L.—Kulcsár, L.: Элементы общественно-политической жизни в новых жилых районах. Budapest. 1975, 23. p.

* — Названия работ иностранных авторов даются в переводе на русский язык.

15. Hegedűs, A.—Markus, M.: Человек — труд — общество. Budapest. 1966, 116. p.
16. Theiss, E.: Основные принципы теории статистических решений и главные приемы использования. — Statisztikai Szemle. 1964, № 10, 453. p.
17. Ward, L.: Теория принятия решений. — In: Rubinstein-Hoberstrob: Некоторые теории организации. Homewood. 1954, 325. p.
18. Laky, T.: Мнение населения о решениях городского развития. — Szociológia. 1974, No 3, 392 p.
19. Kulcsár, K.: Общество, политика, право. Budapest. 1974, 147. p.
20. Tordai, Z.: Государство, социализм и демократизм. — Magyar Filozófiai Szemle. 1970, No 2, 259—260. p.; См. также: Тихомиров, Ю.: Власть и управление в социалистическом обществе. Москва. 1968, с. 197; Nie, N. H.: Общественная структура и политическое участие: отношения развития. — American Political Science. 1969, No 3, 808—833. p.; Kubicka, T.: Функция контроля в социалистическом обществе. — Právny Obzor. 1969, No 7, 594—601. p.; Dror, Y.: Контроль за формированием общественной политики. San Francisco, Cal., Chandler Publishing Comp. 1968. 370. p.